

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 1. С. 70—80.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 1. P. 70—80.

Научная статья

УДК 94(37).07

DOI: 10.46726/И.2025.1.10

ЦЕРЕМОНИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ПРЕТОРИАНСКОЙ ГВАРДИИ В ЭПОХУ ПРИНЦИПАТА

Елена Сергеевна Иванова

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия, ivelina777@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуется проблема церемониальных функций преторианской гвардии и их значения для политической культуры Принципата. Рассматриваются визуальные проявления политической роли преторианцев в государственно-династических церемониях с целью проследить действие скрытых механизмов власти. Для достижения данной цели применяются подходы перформативного поворота, в рамках которого церемонии и ритуалы изучаются как срежиссированные спектакли, организованные с политической целью для определенных адресатов. Автор приходит к выводу, что государственно-династические церемонии с участием гвардии имели важное значение для легитимации власти принцепса. Так, аккламации преторианцев во многих случаях выступали первичным институциональным ритуалом наделевания кандидата в императоры верховной властью, а триумфы и *adventus* служили консенсусными ритуалами поддержки правящего режима и одобрения его политики. Ведущая роль преторианцев в этих церемониях показывает, что положение гвардейцев в иерархии императорского двора было сопоставимым по значению с влиянием сенаторского и всаднического сословий, и мнение гвардии оказывало значительное влияние на принятие политических решений.

Ключевые слова: преторианская гвардия, церемонии, римский императорский двор, *acclamatio*, *triumphus*, *adventus*, *funus publicum*

Благодарности: работа подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 20-18-00374 «Имперское Средиземноморье: модели, дискурсы и практики империализма от Античности до раннего Нового времени».

Для цитирования: Иванова Е.С. Церемониальные функции преторианской гвардии в эпоху Принципата // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 1. С. 70—80.

Введение

Септимий Север в «Истории» Геродиана называет преторианцев воинами, которые служат в основном для торжественных шествий, а не для проявления доблести (Hdn. II.10.2). Хотя такая оценка имеет право на существование, стоит отметить, что гвардейцы принимали участие в военных кампаниях начиная

с принципата Клавдия. Во II и III вв. н. э. их присутствие на театре военных действий становится регулярным, и многие из них получают награды за доблесть [Bédoyère: 114, 187], как, например, солдат IX когорты Гай Аррий Клемент, награжденный ожерельями, браслетами и фалерами за дакийскую войну Траяна (CIL XI 5646). По-видимому, мужество и храбрость были свойственны преторианцам в той же мере, что и legionерам, а утверждение Септимия Севера является риторическим преувеличением.

В то же время нельзя отрицать, что служба в преторианской гвардии предполагала и регулярное участие воинов в торжественных мероприятиях римского императорского двора [Kelly]. Гвардейцы окружали императора при утренних приветствиях и на пирах, сопровождали его в ходе триумфов и церемоний вступления в город, присутствовали на дипломатических приемах и провожали правителя в последний путь. Несмотря на пренебрежительную оценку Септимия Севера, церемониальный аспект деятельности преторианцев играл важную роль в системе императорской власти Римской империи [Rollinger 2023: 57].

К проблеме церемониальных функций преторианских когорт совсем недавно впервые обратился немецкий исследователь К. Роллингер [Rollinger 2022; 2023]. Ранее данные вопросы не рассматривались ни в классических трудах, посвященных преторианцам [Durry; Passerini], ни в современных работах, сосредоточенных преимущественно на организации, социальном составе и политической роли гвардейцев [Bingham; De la Bédoyère; Kerr; Ottley; Rocco]. Отсутствие интереса к участию преторианцев в придворном церемониале особенно примечательно в работах о политическом влиянии гвардии [McIntyre], поскольку, как показывает К. Роллингер, церемониальные действия могли быть организованы с политическими целями и служить способом передачи символических сообщений аристократии и другим адресатам [Rollinger 2022: 226]. Например, присутствие преторианцев в доспехах и с оружием в руках на дипломатических приемах должно было наглядно показать иностранным правителям-клиентам римское военное превосходство [Rollinger 2022: 242]. Также К. Роллингер отмечает, что со временем церемониальные функции преторианцев расширялись в связи с изменениями в социальных ожиданиях сенатской аристократии [Rollinger 2023: 74]. В эпоху Принципата «хороший» с точки зрения сенаторов правитель должен был поддерживать образ *civilis princeps* [Wallace-Hadrill], что ограничивало возможность присутствия военнослужащих на публичных, в том числе придворных, мероприятиях. По мере усиления императорской власти и отхода от республиканских традиций положение гвардии при дворе укреплялось. Однако вместе с этим гвардия постепенно утрачивала свои военные функции, трансформировавшись к V в. в сугубо церемониальный институт, основное назначение которого было, по мнению Агафия (Agath. V.15.2), в «увеличении достоинства и великолепия императора» [Rollinger 2023: 74].

В данной статье мы продолжим исследование К. Роллингера и рассмотрим взаимосвязь государственных церемоний с участием преторианцев и системы императорской власти. Обратившись к таким ритуализованным мероприятиям, как провозглашение императора (*acclamatio*), триумф, торжественный въезд правителя в город (*adventus*) и похороны принцепса, мы изучим визуальные проявления политической роли преторианцев, что, как представляется, позволит конкретизировать действие скрытых механизмов власти и формы ее репрезентации в политической системе Принципата. В отличие от К. Роллингера, сделавшего акцент на трансформации церемониальных функций преторианцев с I по IV в. н. э., мы сосредоточимся на семантическом аспекте церемоний

с участием гвардии в эпоху ранней Империи, чтобы определить, как именно преторианцы, исполняя церемониальные функции, включались в придворную жизнь, а вместе с тем и в большую политику.

Acclamatio

В период ранней Империи не существовало официальной церемонии вступления императора на престол. Наиболее близким по содержанию мероприятием была церемония воинской сходки преторианцев и ритуал *acclamatio* [Rollinger 2023: 59]. Этот ритуал в конце республиканской эпохи являлся формой оказания почета победоносному военачальнику, предполагал признание солдатами его военного искусства и заслуг, служил выражением лояльности войск [Arena: 139]. Однако в правление династии Юлиев-Клавдиев *acclamatio* приобретает другое значение, отрывается от своего военного контекста и трансформируется в основной способ предоставления кандидату в императоры легитимного права на верховную власть, превращаясь, по сути, в первичный институциональный ритуал, за которым следовало правовое закрепление со стороны сената и народа Рима [Там же: 144].

В 14 г. н. э., во время первого «престолонаследия» в истории принципата, необходимость в проведении *acclamatio* отсутствовала, поскольку на момент смерти Августа (19.08.14) его наследник Тиберий уже был наделен проконсульским империем и трибунской властью, сочетание которых и составляло основу власти принцепса [Великанова: 164]. По этой причине Тиберий имел возможность «не проявлять медлительность», а принять присягу на верность у сената, воинов и народа, назначить пароль преторианским когортам и направить послания войскам (Tac. Ann. I.7). Еще одним важным мероприятием первых недель правления Тиберия была consecratio Августа, после которой новый принцепс стал именоваться «сыном божественного Августа», что позволило распространить *maiestas* первого правителя на Тиберия и тем самым сакрализовать его власть [Великанова: 167]. Несмотря на особые полномочия Тиберия и его родство с божественным Августом, сенат признал его принцепсом и наследником только 17 сентября [Великанова: 165], т. е. почти месяц спустя после смерти предшественника. Впоследствии практика усыновления и наделения преемников проконсульским империем и трибунской властью закрепились и стала одним из способов передачи верховной власти в Риме. Этим способом власть получили Тит, Траян, Адриан, Антонин Пий, Марк Аврелий, Каракалла и Гета.

Однако в начале принципата Калигулы возникла необходимость в проведении институциональной церемонии. В отличие от своего предшественника Калигула не был наделен ни проконсульским империем, ни трибунской властью и оставался частным лицом в момент смерти Тиберия. Легитимизировать положение Калигулы позволил ритуал *acclamatio* на воинской сходке преторианцев, созванной, вероятно, по инициативе префекта Макрона в Мизене уже через день после кончины Тиберия [Smallwood: 13]. Как сообщает Светоний, решение армии было одобрено сенатом и народом: «И когда он вступил в Рим, тотчас с общего согласия сената и ворвавшейся в курию толпы... право и власть над всеми делами были ему предоставлены» ((Suet. Cal. 14). Здесь и далее перевод наш, если не указано иное. — *Е. И.*). Так же быстро развивались события и после убийства Калигулы. Уже в день смерти тирана преторианцы на сходке в своем лагере провозгласили Клавдия императором, а сенат после недолгих споров был вынужден утвердить решение воинов (Cass. Dio LX.1). В начале правления Нерона, усыновленного Клавдием и объявленного наследником принцепса, схема провозглашения воинами императора и утверждения

их решения сенатом выглядит уже как полноценная церемония: «перед ступенями дворца его приветствовали как императора и на носилках отнесли в лагерь, а оттуда, сразу же после обращения к воинам, в курию. И он вышел [из курии] вечером, одаренный неизмеримыми почестями, лишь имя отца отечества отклонив ввиду своей молодости» (Suet. Nero. 8). Впоследствии с ритуала *acclamatio* на воинской сходке преторианцев началось правление Гальбы (Plut. Galba. 2), Отона (Plut. Galba. 25), Домициана (Cass. Dio LXVI.26), Нервы (Cass. Dio LXVIII.1), Пертинакса (Cass. Dio LXXIV.1), Дидия Юлиана (Cass. Dio LXXIV.11.6), Александра Севера (Hdn. V.8.10). Другие императоры восходили на престол без участия преторианцев, получая аккламацию от легионеров, как Вителлий (Suet. Vit. 8), Веспасиан (Cass. Dio LXIV.8), Септимий Север (Hdn. II.9.11), Макрин (Hdn. IV.14.2—3) и Гелиогабал (Hdn. V.3.12), что было связано прежде всего с тем, что на момент провозглашения эти претенденты на престол находились в провинциях.

Итак, *acclamatio* на воинской сходке преторианцев приобретает политическое значение и становится институциональным ритуалом начиная с принципата Калигулы. За этим ритуалом следовали сессия сената, на которой избранный преторианцами кандидат получал проконсульский империй, и народное собрание, утверждавшее передачу трибунской власти и других полномочий, частично отразившихся в Законе о власти Веспасиана [Arena: 147]. Таким образом, армия в лице преторианских когорт, объявлявшая свое решение на сходке, стала равноправным (и фактически первичным) источником власти римских принцепсов [Махлаук: 208—227; Makhlaiuk].

Впоследствии провозглашенные преторианцами правители подчеркивали свою символическую связь с ними в официальном искусстве и монетном деле [Bédoyère: 225—226]. Так, Калигула выпустил медный сестерций с легендой *ADLOCUT(io) CON(ortium)*, т. е. «обращение с речью к (преторианским) когортам» (RIC 32). При Клавдии появились золотые и серебряные монеты с легендой *IMPER(ator) RECEP(tus)*, «император получил» (RIC 7), и изображением преторианского лагеря. По-видимому, легенда подразумевает лояльность гвардейцев, которую «получает» император в момент *acclamatio* [Gibson: 107]. Также при Клавдии была выпущена монета с изображением императора, пожимающего руку преторианскому солдату (RIC 12). Легенда данной монеты, *PRAETOR(iani) RECEP(t)*, обычно интерпретируется как «преторианцы получили», что, вероятно, указывает на достойное жалованье, денежные подарки, военные награды и возможности карьерного роста гвардейцев. При Нероне возвращается в обращение сестерций с легендой *ADLOCUT(io) CON(ortium)*, предположительно, в связи с раскрытием заговора Пизона [Smith: 284].

В случае необходимости демонстрации военной доблести правителя и лояльности его армии также могли проводиться повторные ритуалы *acclamatio*. Как отмечает П. Арена, эти ритуалы не были связаны исключительно с военными победами и организовывались в честь любых событий, важных для процветания империи, таких как дипломатические успехи или строительство общественных зданий. В таком контексте церемония *acclamatio* приобретала значение консенсусного ритуала и выражала согласие римского общества с политикой императора [Arena: 151—152]. Однако, поскольку ключевую роль в повторных аккламациях по-прежнему играла армия, включая преторианские когорты, именно одобрение военнотружущих придавало действиям правителя легитимный характер.

Помимо ритуала *acclamatio*, на воинской сходке гвардейцев фактически происходили церемонии усыновления и назначения наследника. Так, Гальба,

как сообщает Тацит, «оказал честь преторианцам», объявив об усыновлении Пизона Фруги Лициниана в их лагере (Tac. Hist. I. 17—18). Клавдий показывал своего сына Британника преторианцам еще младенцем (Suet. Claud. 27.2), а Нерона — в день его совершеннолетия (Suet. Nero. 7.2). Также не без одобрения гвардейцев произошло усыновление Луция Элия Адрианом (SHA. Aelius. 6) и назначение Марка Аврелия наследником Антонина Пия (SHA. Pius. 12; M. Aug. 7). Исключительным было положение сына Веспасиана, Тита, который был не просто представлен преторианцам в качестве наследника императорской власти, но и назначен префектом претория (Suet. Tit. 6).

Таким образом, воинская сходка и произведенный на ней ритуал *acclamatio*, инициированные Макроном в 37 г. в Мизене, стали прецедентом для последующих процессов передачи верховной власти. Примечательно, что мнение гвардии учитывалось не только в периоды политических кризисов, но и в «золотой век» Антонинов, когда на воинских сходках гвардейцам представляли наследников императорской власти. Можно поэтому согласиться с мнением Г. МакИнтайра [McIntyre: 222], называвшего гвардию символом и реальным источником императорской власти.

Triumphus et adventus

Римский триумф представлял собой торжественную церемонию вступления в Рим победоносного полководца, наделенного империем, с демонстрацией пленных и добычи. С одной стороны, триумф был высшей наградой, которую мог получить полководец в знак признания его военных заслуг, а с другой — религиозным обрядом, в ходе которого вернувшееся из похода войско очищалось от крови, пролитой им на войне, а полководец становился земным воплощением Юпитера Капитолийского. Поскольку в императорскую эпоху верховным главнокомандующим римской армии, обладавшим империем и ауспигиями, был сам принцепс, право на триумф могло быть предоставлено только императору и членам его семьи [Benoist: 195—308].

Первый известный триумф с участием преторианцев произошел в правление Калигулы. Император, построив мост между ПUTEОЛАМИ и БАВЛАМИ, устроил на нем своеобразную церемонию. В первый день Калигула, облачившись в панцирь Александра Македонского, прошел по мосту в сопровождении вооруженных воинов (вероятно, преторианцев), имитируя завоевание. На следующий день в одежде триумфатора на колеснице Калигула вернулся обратно, а «за ним тянулась длинная вереница людей, будто бы взятых в плен, среди них был и Дарий, муж из семейства Аршакидов, живший тогда в Риме в числе парфянских заложников. Далее следовали на повозках его друзья и свита в пестрых одеждах, шли войско и остальная толпа» (Cass. Dio LIX. 17.5—6. Здесь и далее пер. А.В. Махлаюка). Очевидно, что обратное шествие было имитацией триумфа. В историографии существуют разные точки зрения о целях и смыслах описанного мероприятия. Так, Дж. Балсдон считал [Balsdon: 53], что Калигула отмечал победу над Востоком, подразумевая успешное заключение мира с Артабаном III в 37 г. Присутствие тезки Дария III среди пленников демонстрировало, что Калигула превзошел самого Александра Великого, поскольку последнему не удалось захватить персидского царя живым. М. Клейвегт связывает данную церемонию с речью Калигулы против сенаторов, обвиненных в лицемерии и стремлении убить принцепса [Kleijwegt: 666]. Утратив поддержку сенатской аристократии, Калигула в официальном дискурсе стал подчеркивать свою тесную связь с армией. Поскольку молодому правителю не хватало военных

побед для празднования реального триумфа, он использовал его имитацию для укрепления своего авторитета среди преторианцев и легионеров. Поддержка армии была также необходима в связи с планировавшимся походом в Германию [Kleijwegt: 668]. Перед отъездом в провинцию Калигула, опасаясь заговора сенатской аристократии, стремился обеспечить лояльность преторианцев и обезопасить тем самым свои позиции в Риме на время военной кампании. Таким образом, мероприятие в Байях было политической акцией с целью устрашить сенатскую аристократию и показать ей, что новой опорой власти принцепса выступает преторианская гвардия и армия в целом [Там же: 669]. Поскольку приведенные гипотезы не противоречат друг другу, допустимо предположить, что триумф Калигулы в Байях ознаменовал сразу несколько его побед: и над парфянским царем, и над сенатской оппозицией.

Подобная церемония впоследствии была организована и Нероном [Там же: 663]. Когда армянский царь Тиридат прибыл в Рим для принятия тиары из рук императора и признания своего вассалитета, Нерон показал ему преторианцев «в блестящих доспехах, с оружием и значками, сверкавшими, как вспышки молний» (Cass. Dio LXIII.4.2). По свидетельству Диона Кассия (LXII.4.3), «днем Нерон, облачившись в одеяние триумфатора, вышел на Форум в сопровождении сенаторов и преторианцев, поднялся на возвышение и сел в курульное кресло. Затем Тиридат... прошел между рядами тяжеловооруженных воинов, выстроившихся с обеих сторон, и, остановившись около возвышения, склонился ниц перед императором». В ходе описанной церемонии, согласно Светонию (Nero. 13), Нерон был также провозглашен императором (в 11-й раз). На первый взгляд, данное мероприятие, объединившее в себе черты дипломатического приема, триумфа и аккламации, было адресовано исключительно Тиридату и его свите для демонстрации силы и величия римской державы. Однако, как и в случае с триумфом Калигулы, церемония Нерона происходила после конфликта с сенатом и раскрытия заговора Пизона, а также перед планировавшимися военными походами в Эфиопию и к «Каспийским воротам». По-видимому, Нерон не только устрашал Тиридата военной мощью империи, но и показывал сенату собственное могущество, зримым воплощением которого была гвардия.

Таким образом, в правление Юлиев-Клавдиев церемониальные шествия преторианцев во многих случаях имели символическое значение. Поскольку гвардейцы не принимали участия в военных кампаниях, победы в которых отмечались триумфами, их присутствие могло быть связано с желанием принцепса оказать почет прославленному полководцу, устрашить заложников или дипломатических представителей иноземных правителей, а также показать сенату собственное могущество.

Возможность праздновать триумфы именно за свои победы появляется у преторианцев в конце I в. н. э. Из нарративных источников, эпиграфики и иконографии известно об участии гвардейцев в дакийских войнах Домициана и Траяна, парфянском походе Луция Вера и войне с маркоманами Марка Аврелия [Bédouère: 165—209]. Однако описаний триумфов за эти кампании не сохранилось. Немногочисленность свидетельств о триумфальных церемониях в эпоху Принципата, вероятно, можно объяснить редкостью их проведения из-за монополизации права на триумф императором. Кроме того, как отмечает К. Роллингер, в императорский период триумфы постепенно объединяются с церемонией вступления принцепса в город (*adventus*) [Rollinger 2023: 64].

Наиболее раннее упоминание об участии преторианцев в церемонии *adventus* относится к правлению Тиберия. Когда племянник принцепса, Германик,

возвращался в Рим после военной кампании в Германии ему навстречу вышли все преторианские когорты, «хотя приказано было выступить только двум» (Suet. Cal. 4). Приказание Тиберия гвардейцам встретить и сопроводить Германика можно рассматривать как особую почесть и оказание уважения к военным успехам этого полководца.

Следующее свидетельство приводит Плиний Младший, описывая торжественный въезд в город Траяна после германской кампании: «И не был ты окружен отрядом телохранителей, но обступили тебя со всех сторон то сенаторы, то цвет всаднического сословия... тихо и спокойно ликторы твои прокладывали тебе путь: ведь воины ни наружностью, ни спокойствием, ни скромностью не отличались от народа» (Plin. Pan. 23.3). Гражданское облачение воинов, отмечает Роллингер, было визуальным маркером и своего рода программным заявлением Траяна, стремившегося показать римлянам, что его правление будет проходить в соответствии с принципами, заложенными Августом, и что он намерен поддерживать образ *civilis princeps* [Rollinger 2023: 65—66]. Подобная риторика засвидетельствована в источниках и для правления первых Флавиев (Cass. Dio LXVI.10.5), а также большинства Антонинов. Так, Марк Аврелий восхваляет своего отца, Антонина Пия, за то, что тот научил его «живя во дворце, не нуждаться в телохранителях» (M. Aug. Med. I.17.5). Впоследствии сам Марк Аврелий получит похвалу от Геродиана (Hdn. I.2.4) за запрет телохранителям отстранять от правителя подданных, подходивших к нему для приветствия. Таким образом, при Флавиях и Антонинах наблюдается отказ от публичных демонстраций военной мощи преторианцев, практиковавшихся «плохими» правителями с целью устрашения сенатской аристократии.

Торжественный въезд в Рим Септимия Севера «в сопровождении всего войска, пешего и конного, в полном вооружении» (Cass. Dio LXXV.1.3) ознаменовал конец эпохи «правления по-граждански». Как отмечает К. Роллингер, военная процессия вне традиционного триумфа или овации была явным нарушением правил императорского этикета [Rollinger 2023: 66]. Как и *adventus* Траяна, данная церемония стала визуальным маркером нового режима, основой которого был союз императора и армии. Стоит отметить, что накануне своего вступления в Рим Септимий Север распустил преторианскую гвардию в наказание за убийство Пертинакса [Гуськов]. Новая гвардия была сформирована из провинциальных легионеров, отличавшихся доблестью и лояльностью к Северу. Начиная с этого набора практика пополнения гвардии опытными легионерами стала регулярной. Роспуск старой гвардии и изменения в принципах ее комплектования, однако, не повлияли на положение преторианцев при императорском дворе. При Северах оно было настолько прочным, что одним из правителей этой династии стал префект претория Макрин (Cass. Dio LXXVIII.11.6).

Таким образом, присутствие преторианцев на таких церемониях, как *triumphus* и *adventus*, было связано не только с желанием сената и народа Рима оказать военные почести прославленным полководцам, как это было при вступлении в столицу Германика. Во многих случаях церемонии выступали частью официального дискурса, и участие в них преторианцев было вызвано необходимостью для императора сделать программное заявление или передать символическое сообщение аристократии. Форма одежды и манера поведения гвардейцев на таких мероприятиях указывали на стиль правления императора, который впоследствии римские интеллектуалы оценивали как «гражданский» или «тиранический».

Похороны

Демонстрация военных трофеев и шествие римских солдат, являвшиеся неотъемлемой частью триумфа, в конце республиканской эпохи становятся элементами и траурной церемонии [Flower: 109]. Первое участие ветеранов в погребальной процессии засвидетельствовано для похорон Суллы. По мнению Г. Флауэр, появление элементов триумфа в похоронных процессиях указывает на возросшую роль армии в политической жизни поздней Республики [Flower: 101]. Имитация триумфа на похоронах происходила и в форме шествия прославившихся на военном поприще предков, чьи изображения несли перед погребальным ложем. Из материальных ценностей демонстрировались как трофеи предков, так и военная добыча погребаемого, что указывало на накопление заслуг определенной семьи перед Римом и повторение ее успеха на протяжении поколений [Flower: 109]. Так римские похоронные процессии представляли зрителям ведущие семьи в государстве, что придавало этим церемониям политическое звучание [Flower: 223]. Поскольку в эпоху Принципата ведущей семьей Римской империи стало семейство принцепса, то и право на государственные похороны (*funus publicum*) начинает дароваться сенатом только правителю и его родственникам [Price: 64]. Другие аристократические семьи могли получить такое право от императора в знак признания их заслуг перед государством (Тас. *Ann.* IV.15; VI.27; *Hist.* IV.47).

Образцом проведения *funus imperatoris* стала похоронная церемония Августа. В целом она проводилась в соответствии с погребальными традициями аристократических семей, но в ее организации появились некоторые новшества [Flower: 238]. Тацит среди них отмечает проход погребального шествия через триумфальную арку, демонстрацию заголовков изданных Августом законов и наименований покоренных им племен и народов (*Ann.* I.8). По описанию Диона Кассия (LVI.42), «когда его [тело Августа] водрузили на погребальный костер, вокруг него обошли вначале жрецы, затем всадники..., потом вокруг костра совершили бег вооруженные воины гарнизона. Те из них, которые получили от него когда-либо победные награды за доблесть, бросали их в костер. Вслед за тем факелы... взяли центурионы и подожгли костер снизу». Дион Кассий отмечает, что подобным же образом был похоронен Агриппа, зять и сподвижник Августа (*Cass. Dio* LIV.28.5). Ритуальный бег преторианцев, упоминаемый в данном описании, также проводился на похоронах Друза, отца Германика и Клавдия (*Suet. Claud.* 1.3), и Друзиллы, сестры Калигулы (*Cass. Dio* LIX.11.2). Таким образом, Август закрепил появившуюся при Сулле традицию имитации триумфа на похоронах императора и членов его семьи. Поскольку преторианцы были единственным войском, располагавшимся в италийских городах и самом Риме (не считая городских когорт), только они могли участвовать в последнем триумфе правителя и оказывать ему воинские почести. Более того, в некоторых случаях преторианцы занимали наиболее видное положение в похоронной процессии. Так, в то время как консулы и сенаторы шли нестройной толпой в погребальном шествии Германика, преторианцы получили от Тиберия право нести прах прославленного полководца (Тас. *Ann.* III.2).

Элементы похоронной процессии императора, сложившиеся при Августе, по-видимому, сохранились до конца эпохи Принципата. Похороны Пертинакса, организованные Севером, также происходили с имитацией триумфа. Так, восковое изображение Пертинакса было облачено в триумфальное одеяние, а в погребальном шествии были пронесены статуи, изображавшие подвластные императору народы. Вооруженные пешие и конные воины участвовали в шествии

и совершили ритуальный бег вокруг костра императора (Cass. Dio LXXV.4). Упоминание о ритуальном беге воинов присутствует у Диона Кассия и при описании похорон самого Септимия Севера (LXXVI.15.3). Геродиан, однако, свидетельствует об организации конного парада и шествии колесниц, на которых были помещены *imagines* прославленных римских полководцев и государей (Hdn. IV.2). Хотя оба историка не называют воинов, участвовавших в данных церемониях гвардейцами, в историографии преобладает мнение, что и пешие, и конные солдаты на похоронах Пертинакса и Септимия Севера были именно преторианцами [Rollinger 2023: 70—71].

Таким образом, преторианцы наряду с высшими сословиями Рима обладали правом «отдать последнюю дань уважения командующему армией и его *felicitas* на театре военных действий» [Там же: 74], что демонстрирует значимость полководческой роли для поддержания образа «хорошего» правителя. Кроме того, равноправное участие преторианцев, сенаторов и всадников в похоронной церемонии принцепса показывает, что положение гвардейцев как при дворе, так и в общественной иерархии было достаточно высоким и сравнимым с позициями высших сословий римского государства.

Заключение

Завершая обзор государственно-династических церемоний с участием преторианской гвардии, отметим, что все эти мероприятия имели важное значение для легитимации власти принцепса. Именно аккламация императора преторианцами во многих случаях фактически была первичным источником получения верховной власти. Организация императорских триумфов и их имитаций в погребальных церемониях и *adventus* демонстрировала поддержку армии правящему режиму, подчеркивая ее значение как его важнейшей опоры. Похороны принцепса с воинскими почестями свидетельствовали о роли императора как военного лидера и об одобрении армией его правления в целом. Ведущая роль преторианцев на этих церемониях показывает, что положение гвардейцев в иерархии императорского двора было близким к позициям сенаторского и всаднического сословий, и их мнение оказывало значительное влияние на принятие политических решений. Таким образом, гвардия выступает не только как военный институт с охранительными функциями, но и как политическая сила с активной позицией при дворе императора.

Список литературы / References

- Великанова Е.Н. Initium принцепса: порядок передачи власти первым преемникам Августа // ВДИ. 2007. № 3. С. 163—174.
(Velikanova E.N. Initium principis: the Procedure of Handing Over the Authority to the First Successors of Augustus, *JAH*, 2007, no. 3, pp. 163—174. — In Russ.)
- Гуськов Е.А. Роспуск преторианской гвардии в 193 г. н. э. // Известия Самарского научного центра РАН. Исторические науки. 2024. Т. 6, № 1 (21). С. 120—129.
(Gus'kov E.A. Disbandment of the Praetorian Guard in 193 A.D., *Izvestia of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Historical Sciences*, 2024, vol. 6, no. 1 (21), pp. 120—129. — In Russ.)
- Махлаюк А.В. Солдаты Римской империи. Традиции военной службы и воинская ментальность. СПб.: Филологический фак-т СПбГУ: Изд-во Акра, 2006. 440 с.
(Makhlaiuk A.V. Soldiers of the Roman Empire. The Traditions of Military Service and the Martial Mentality, St. Petersburg, 2006, 440 p. — In Russ.)

- Arena P. *Imperator salutatus est. Rapporti tra salutationes imperatoriae e cerimonie da Caligola a Nerone, Il princeps romano: autocrate o magistrato? Fattori giuridici e fattori sociali del potere imperiale da Augusto a Commodo Commodo*, a cura di J.-L. Ferrary, J. Scheid, Pavia, 2015, pp. 139—183.
- Balsdon J. *The Emperor Gaius (Caligula)*, Oxford: Clarendon Press, 1934, 243 p.
- Benoist S. *Rome, le prince et la Cité. Pouvoir imperial et cérémonies publiques (Ier siècle av. — début du IVe siècle apr. J.-C.)*, Paris: Presses Universitaires de France, 2005, 397 p.
- Bingham S. *The Praetorian Guard. A History of Rome's Elite Special Forces*, London: I.B. Tauris, 2013, 240 p.
- De la Bédoyère G. *Praetorian. The Rise and Fall of Rome's Imperial Bodyguard*, New Haven; London: Yale University Press, 2017, 336 p.
- Durry M. *Les cohortes prétoriennes*, Paris: E. de Boccard, 1938, 454 p.
- Flower H. *Ancestor masks and aristocratic power in Roman culture*, Oxford: Clarendon Press, 1996, 411 p.
- Gibson A.G.G. "All Things to All Men": Claudius and the Politics of AD 41, *The Julio-Claudian Succession: Reality and Perception of the "Augustan Model"*, ed. by A. Gibson, Leiden; Boston: Brill, 2013, pp. 107—132.
- Kelly B. Violence and Security at Court, *The Roman Emperor and his Court c. 30 BC—c. AD 300: vol. 1: Historical Essays*, ed. by B. Kelly, A. Hug. Cambridge: Cambridge university press, 2022, pp. 371—394.
- Kerr J.L. The role and character of the praetorian guard and the praetorian prefecture until the accession of Vespasian: abstract of the dis. ... Candidate of Sciences (History), Glasgow: University of Glasgow, 1991, 279 p.
- Kleijwegt M. Caligula's "Triumph" at Baiae, *Mnemosyne*, 1994, vol. 47, fasc. 5, pp. 652—671.
- Makhlaiuk A.V. *Omnia deinde arbitrio militum acta: Political Initiative and Agency of the Army in Late-Republican and Early Imperial Rome, Leadership and Initiative in Late Republican and Early Imperial Rome*, ed. by R. M. Frolov, C. Burden-Strevens, Leiden; Boston: Brill, 2022, pp. 457—488.
- McIntyre G. Making and Breaking Emperors: The cohorts praetoria and the Transition of Imperial Power, *Brill's Companion to Bodyguards in the Ancient Mediterranean*, Leiden, Boston: Brill, 2022, pp. 202—222.
- Ottley S. The Role Played by the Praetorian Guard in the Events of AD 69, as Described by Tacitus in his *Historiae*: abstract of the dis. ... Candidate of Sciences (History), Perth: University of Western Australia, 2009, 273 p.
- Passerini A. *Le coorti pretorie*, Rome: Angelo Signorelli, 1939, 362 p.
- Price S. From noble funerals to divine cult: the consecration of Roman emperors, *Rituals of Royalty: Power and Ceremonial in Traditional Societies*, ed. by D. Cannadine, S. Price, Cambridge: Cambridge University Press, 1987, pp. 56—105.
- Rocco M. *I pretoriani: soldati e cospiratori nel cuore di Roma*, Rome: Salerno editrice, 2021, 200 p.
- Rollinger C. Changing the Guard: Guard Units and Roman State Ceremonial from the First to the Fourth Century, *The Roman Imperial Court in the Principate and Late Antiquity*, Oxford: Oxford University Press, 2023, pp. 56—74.
- Rollinger C. Specie Dominationis: The 'Ceremonial' Uses of Imperial Bodyguards under the Principate, *Brill's Companion to Bodyguards in the Ancient Mediterranean*, Leiden; Boston: Brill, 2022, pp. 223—248.

Smallwood E.M. Documents Illustrating the Principates of Gaius, Claudius and Nero, Cambridge: Cambridge university press, 1967, 147 p.

Smith D.R. The DECVRVRSIO Sestertius Types of Nero and the Lusus Troiae, *The Numismatic Chronicle*, 2000, vol. 160, pp. 282—289.

Wallace-Hadrill A. Civilis Princeps: Between Citizen and King, *JRS*, 1982, vol. 72, pp. 32—48.

CEREMONIAL FUNCTIONS OF THE PRAETORIAN GUARD UNDER THE PRINCIPATE

Elena S. Ivanova

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russian Federation, ivelina777@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the ceremonial functions of the Praetorian Guard and their significance for the political culture of the Principate. In particular, the author studies state-dynastic ceremonies in order to see the visual manifestations of the Praetorians' political role, that helps to understand the hidden mechanisms of power. To achieve this goal, the author applies the methodology of the performative turn, considering ceremonies and rituals as staged performances organized with a political aim for certain addressees. The author concludes that state-dynastic ceremonies with the Guard's participation were important for legitimizing princeps' power. For instance, *acclamatio* acted as the primary institutional ritual of providing the candidate for emperor with supreme power. At the same time, *triumphus* and *adventus* served as consensus rituals of support for the ruling regime and approval of its policies. The Praetorians' leading role in these ceremonies shows that the guards' position in the hierarchy of the imperial court was close to the senatorial and equestrian positions. For this reason, Guard's opinion had a significant influence on political decision-making.

Keywords: Praetorian Guard, ceremony, Roman imperial court, *acclamatio*, *triumphus*, *adventus*, *funus publicum*

Acknowledgments: this study was supported by the Russian Science Foundation (project no. 20-18-00374, The Imperial Mediterranean: Models, Discourses, and Practices of Imperialism from Antiquity to the Early Modern Time).

For citation: Ivanova E.S. Ceremonial functions of the Praetorian Guard under the Principate, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2025, iss. 1, pp. 70—80.

Статья поступила в редакцию 16.10.2024; одобрена после рецензирования 28.10.2024; принята к публикации 24.12.2024.

The article was submitted 16.10.2024; approved after reviewing 28.10.2024; accepted for publication 24.12.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Иванова Елена Сергеевна — аспирант, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия, ivelina777@yandex.ru

Ivanova Elena Sergeevna — Postgraduate student, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation, ivelina777@yandex.ru